

**Анатолий
АВРУТИН**
г. Минск, Беларусь

Анатолий Юрьевич АВРУТИН

родился в 1948 году в г. Минске.

Окончил исторический факультет Белорусского госуниверситета.

Автор полутора десятков поэтических сборников, в том числе и на белорусском языке (в переводах).

Является составителем антологии

«Современная русская поэзия Беларуси» (2003).

Награжден медалями Франциска Скорины, Золотой Есенинской,

им. Михаила Шолохова и им. Мусы Джалиля,

и белорусского Союза кинематографистов

«За выдающиеся заслуги в белорусском кинематографе».

Стихи и переводы публиковались во многих белорусских, российских и зарубежных газетах, журналах и антологиях.

В журнале «Север» публикуется впервые.

ПРЕВЫШЕ ПЛОТИ – ДУХ...

* * *

И те, кто под крестом, и те, кто на кресте, –
Напрасно все же вы пустились брат на брата.
Кто прав из вас теперь в загробной темноте,
Зачем свои мечи вы подняли когда-то?

Где все решает меч, там правда ни при чем!
Когда в бою рука становится десницей,
Прощают и казнят единственно – мечом,
И брат мой дорогой, и отрок бледнолицый.

А что не меч – то страх, а что не страх – то меч,
Все остальное – тлен, сгоревшее, пустое...
Нам нечего сказать, нам некого беречь –
Последняя звезда сгорела в травостое.

Но дух превыше звезд, превыше плоти – дух,
Превыше высоты и вечного молчанья.
С ним видит кто не зряч, с ним слышит тот, кто глух,
С ним кается кто век не верил в покаянье.

Пусть всё вокруг – не то, пусть мы давно не те,
Пусть слышим сквозь века лишь окрики и стоны,
Чей дух в себе несем, пока не на кресте?
Чью робкую мечту?.. Чей образ просветленный?..

* * *

Мне казался февраль
     воплощением дерзостной муки,
 Мне казалось — отныне
     все грешное разрешено.
 Если снег на дворе...
 Если снова такие минуты,
 Что страна и судьба
     умещаются в это окно.
 А вдали — как всегда! —
     чередою безлистые клены,
 И в крылечке все та же
     поющая тихо доска...
 Но какой горизонт!
 Но какой горизонт просветленный!
 И до полного сходства —
     каких-то четыре мазка.
 И, вбирая в гортань
     подмороженный привкус рябины,
 И по стареньким сходням
     сбегая почти напрямки,
 Я все слышу гудки за дорогой —
     короткий и длинный —
 И манят, и тревожат
     далекие эти гудки.
 Занеможется вдруг...
 Занеможется и закричится...
 Ого-го! Месяц ясный,
     а жизнь-то еще ничего!..
 И появится в небе
     какая-то странная птица,
 И подхватит стоусто,
     подхватит твое: «Ого-го-о!»
 А потом — тишина!
 А потом и хмельно, и не сладко.
 До заплаканной свечки
     невольно сужается свет.
 И во мгле не понять —
     то ль в снегу затерялась перчатка,
 То ль вчерашняя птица
     когтями оставила след?..

* * *

Ей не подал... Прошел стороной.
 А она: «Сохрани тебя Боже!»
 Как петлею, сдавило виной,
 На другую вину непохожей.

 Воротиться? Неловко теперь.
 Убежать? Будет только стыднее.
 Указует на дальнюю дверь
 Черный шарф на простуженной шее.

 И бредешь через россыпь минут,
 Помня — с этим уснуть? Не уснетя!
 Если вдруг?.. Если не подадут?..
 Что во след не подавшим шепнется!

* * *

Я слышал крик...
 Над лестницей отвесной,
 Что утопала в чавкающей тьме,
 Над кронами, гремящими железно,
 Отрепьями в залатанной суме,
 Над мокротой неубранного сада,
 Оборванной ставенкой в дому —
 Он все летел...
 И влажная прохлада
 Шептала мне и больше никому
 О чем-то неотысканном и вечном,
 О пустоте невыплаканных глаз,
 О той земле, в которую и лечь нам,
 Когда — так скоро — наш подступит час.
 Во тьме метались лица, люди, лики,
 Осколки неба, сполохи огня...
 Я не забыл о черном этом крике —
 Он просто первым выискал меня!
 И я кричу, невинный, в платье сиром,
 И вдаль летит сквозь чувственную тьму
 Один лишь крик...
     Один лишь крик над миром...
 Один лишь крик,
     не слышный никому...

* * *

Дите Карелиной

Ты попробуй услышать всего на мгновенье,
Как сгорает простор в одичавшей ночи,
И, быть может, увидишь невидящим зреньем
Отлетевшую душу умершей свечи.

И померкнут зрачки. И, отринув молчанье,
Еле слышно прошепчешь такие слова,
Что иное покажется иносказаньем
И вся правда окажется вдруг не права.

И вспорхнет немота, отразившись в зеркалах,
И уже в сотый раз исказится душой,
И в глазных, все навеки вобравших, провалах
Вдруг на миг остановится сумрак иной.

И сквозь боль неземное услышится пенье,
Подреберье тревогою развороша,
Но такое случится в иное мгновенье,
Где иная печаль, где иная душа.

* * *

Луна чужая... Женщина чужая...
Моих здесь только брошенность и страх.
Да тьма в душе, что, плоть уничтожая,
Шершаво проступает на губах.

О чем нам говорить с чужой любимой,
По самый крик закутавшейся в плед?
И взгляды – мимо... И желанья – мимо...
И дух прикосновеньем не согрет.

Он просто дух, оставшийся без тела,
Которым ты и не был знаменит.
И сам не знаешь, что же в нем болело,
И сам не веришь в то, что отболит...